

DOI 10.15826/vopr_onom.2023.20.3.033
УДК 811.161.1'373.23 + 929.52 Шуйские +
+ 94(470)“16/17” + 27-526.62 +
+ 81'373:27-564

А. Ф. Литвина

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия

Ф. Б. Успенский

¹ Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
² Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия

СВЕРЖЕНИЕ ЦАРЯ ВАСИЛИЯ ШУЙСКОГО В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ

В работе продемонстрировано, как ономастические разыскания помогают в интерпретации ключевых событий русской истории. Главным действующим лицом настоящей статьи является царь Василий Иванович Шуйский: в первой части исследования предлагается атрибуция драгоценного напестольного креста начала XVII в., связанная с христианской двуименностью этого государя, тогда как вторая часть посвящена семиотике свержения царя в антропонимической перспективе. Согласно вкладной надписи, восьмиконечный крест-мошевик в серебряном золоченом окладе с чеканными и резными священными изображениями и орнаментами был пожертвован в суздальский Покровский монастырь в 1603/1604 г., при этом характер лицевых изображений, растительного орнамента и мастерство исполнения однозначно свидетельствуют о столичном происхождении этого литургического предмета. До сих пор личность вкладчика считалась неустановленной, хотя надежно прочитываемая надпись содержит его имена и все необходимые сведения для их интерпретации. У множества людей средневековой Руси было по два христианских имени в миру — сегодня это утверждение уже не вызывает у исследователей такого удивления, как десятилетие назад, однако традиция светской христианской двуименности

© Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., 2023

по-прежнему нуждается в описании и анализе. Изучение конкретных казусов иногда требует почти детективных разысканий, и затруднения, возникающие на пути исследователя, отнюдь не случайны: они связаны с самими принципами функционирования системы светской христианской двуименности в допетровской Руси, когда в некоторых ситуациях человек появляется под одним именем, а в других — под совсем иным, и найти точки пересечения, по которым можно отождествить, к примеру, *раба Божьего Козму* и князя Дмитрия Михайловича Пожарского, порой оказывается весьма непросто. Историко-ономастический анализ текста надписи на кресте не только позволяет уверенно идентифицировать владельца этого драгоценного образчика ювелирного искусства начала XVII в., но и высказать ряд догадок об обстоятельствах совершения жертвоприношения, а также уточнить наши сведения о практиках имянаречения, принятых на Руси в XVI столетии.

Ключевые слова: антропонимия; имянаречение в допетровской Руси; монашеский постриг; светская христианская двуименность; крестильное имя; род Шуйских; низложение царя Василия Шуйского; крест 1603/1604 г.

Благодарности

В данной научной работе использованы результаты проекта «Лингвосемиотические аспекты истории русской культуры: Средние века и раннее Новое время», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 г.

В этой работе мы хотели бы продемонстрировать, как ономастические разыскания могут поспособствовать интерпретации ключевых событий, происходивших в переломные моменты русской истории. Речь пойдет об обстоятельствах низведения с трона Василия Шуйского — событии чрезвычайном и беспрецедентном даже для столь богатой на неожиданности эпохи, как Смутное время. У заговорщиков, стремившихся свергнуть царя, не было перед глазами ни образца, ни примера — предшествующие полтора столетия московские государи лишались престола только вместе с жизнью, будь то мирная кончина или убийство. Противники же Шуйского избрали тот путь устранения правителя, который наши современники сочли бы наиболее гуманным, — пострижение в монахи.

Насильственный постриг сам по себе — это вполне стандартный для средневековой Европы инструмент, призванный бескровно изъять человека из политической борьбы. Династии Рюриковичей он был небезызвестен и прежде, а XVI — начало XVII в. на Руси были как никогда богаты на принудительное обращение в монахи лиц самого разного звания. Здесь можно вспомнить и о Соломонии Сабуровой, бездетной супруге Василия III, постриженной в 1525 г. с именем *Софья*, и о преследуемом Годуновым Федоре Никитиче Романове, ставшем иноком около 1600 г., не говоря уже о целой веренице знатных и незнатных людей, против воли принявших иночество при Иване Грозном [Успенский Б., Успенский Ф., 2017, 226–245]. Насильственное пострижение на Руси успело стать предметом самостоятельной рефлексии (каковую можно видеть, например, в переписке Грозного с Курбским): с одной стороны, такой постриг мог восприниматься как

нечто противное самой идее монашества и подлежать чуть ли не автоматическому упразднению, с другой — самый факт пострига, пусть и принудительного, мог трактоваться как проявление Божьей воли, а стало быть, для лица, ему подвергнутого, более благочестивым оказывалось смиренное сохранение монашеского сана. Кроме того, это неканоническое действие разными способами пытались выдать за легитимное, затушевать его подневольный характер. Однако даже в подобном контексте всем был очевиден экстраординарный характер случившегося с Шуйским — великих князей не постригали насильно уже многие столетия¹, с правителями же, сидевшими на московском столе, этого, повторимся, и вовсе никогда не бывало. Иначе говоря, для современников такое событие сразу становилось одним из воплощений Смутного времени — деянием, кардинально нарушавшим нормальный порядок вещей.

Захлебывающаяся поспешность происходящего не умаляла его значения, скорее напротив — заставляла отыскивать скрытые знаки во всех его деталях. Известие о том, что недавний царь теперь инок, ставило точку в его династической карьере, но, с другой стороны, точка эта могла оказаться, так сказать, неокончательной. Если постриг насильственный от начала до конца, то он может быть признан недействительным, а все событие низложения в целом — обратимым. Разумеется, подобная вероятность была очень важна как для противников, так и для сторонников царствования Шуйского.

С другой стороны, внимание к деталям требуется здесь и от современного исследователя. Источники, относящиеся к Смутному времени, отличаются, если так можно выразиться, закономерной противоречивостью: многоголосица сталкивающихся группировок, мгновенные изменения политической ситуации, зачастую провоцирующие изменение воззрений их участников, постоянное переосмысление задним числом давних и недавних событий и следующее за ним забвение того, что еще вчера было столь животрепещуще актуальным, — все это, конечно, затрудняет, несмотря на относительное обилие текстов, даже реконструкцию событийного ряда, не говоря уже об адекватном понимании интенций, которые за этими текстами и событиями стояли.

¹ Здесь уместно вспомнить, пожалуй, насильственное пострижение князя Рюрика Ростиславича на излете XII в. Как известно, киевского князя заставил постричься собственный зять, Роман Мстиславич, причем после гибели последнего Рюрик немедленно «сметает с себя чернечский порты» и вновь воссел на киевский стол. Постриженная вместе с ним супруга не захотела, согласно летописи, сложить с себя монашеские обеты и, вместо того чтобы вернуться вместе с мужем к мирской жизни, постриглась — на этот раз уже добровольно — в великую схиму [ПСРЛ, 1, 425–426; ср.: Литвина, Успенский, 2012]. Замечательно, что эту историю прекрасно знает и эксплуатирует в собственных целях Иван Грозный — в Первом послании к Курбскому он прибегает к ней, обсуждая вопрос о том, что такое принудительный постриг в духовной и светской жизни человека и вправе ли постриженный, подобно Рюрику Ростиславичу, слагать с себя иноческий сан [Лихачев, Лурье, 1951, 16–17].

Имена собственные в очередной раз оказываются своеобразным квантом сохранной и надежной информации, от которой можно отталкиваться, а имя, которым нарекли Василия Шуйского в монастыстве, играет в этой ситуации совершенно особую роль. Чтобы понять, почему оно было так важно и какой диагноз позволяло поставить случившемуся, необходимо отступить на несколько шагов назад и задаться довольно неожиданным вопросом — как вообще звали этого русского царя?

Совсем недавно удалось наконец надежно установить, что Василий Иванович Шуйский, по рождению принадлежавший к одной из могущественнейших ветвей дома Рюриковичей, входил в весьма обширную когорту обладателей двух мирских христианских имен. Будущий государь с младенчества звался не только *Василием*, но и *Потапием* [Литвина, Успенский, 2021а]. Более того, обнаружение двух этих имен позволило надежно идентифицировать его как вкладчика, пожертвовавшего в суздальский Покровский монастырь драгоценный крест с довольно подробной вкладной надписью (см. рис. 1)².

а

б

Рис. 1. Напрестольный крест-мощевик, 1603/1604 г.

Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник.

Фондовая коллекция «Драгоценные металлы и камни», инв. № В-1702 Ц-2036

а — лицевая сторона; б — оборотная сторона

² Подробное описание креста, ныне хранящегося в экспозиции «Золотая кладовая» Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника, см. в каталоге М. А. Быковой [2015, 20–21, № 4].

Надпись же эта, в свою очередь, позволяет вынести совершенно определенное суждение о функциональном распределении двух его христианских имен — этот вопрос до недавних пор оставался без ответа. Имя *Василий*, под которым царь правил и был известен народу, ожидаемо оказывается лишь публичным, тогда как другое, *Потануй*, куда реже встречающееся в источниках, — крестильным [Литвина, Успенский, *в печати*]. Последнее сообщается в интересующем нас тексте на кресте самым прямым и непосредственным образом. Приведем здесь эту надпись целиком (рис. 2):

принесе^н ч^тны^и
 кр^сть со ст^ыми^и мощ^ьми
 во ст^зю обите^л пре-
 ч^тые б^ацы ч^тна^т е^я
 пок^рова д^вч^ь м^а-
 наст^ь б^гое^иса-
 ёмо^и гра^де су^ждале
 мн^огр^ѣны^и ра^б б^жи^и
 василе^н во ст^ом^ь кр^стни^и
 потане^н ·лѣ^т рв^и · ~ <112> по
 се^дмои тысеци ~ <1603/04>

Рис. 2. Прорис и транскрипция вкладной надписи на кресте 1603/1604 г.

Информация подобного рода, ценная сама по себе, позволяет указать более или менее определенно дату появления будущего царя на свет. В русской месяцесловной традиции есть только один святой с именем *Потапий*, и память его отмечается единожды в году — 8 декабря. К этому-то дню и приурочено в целом ряде коммеморативных текстов поминовение Василия Ивановича Шуйского. В качестве же патрона по публичному имени он чтит Василия Великого, особенно выделяя одну из его памятей, приходящуюся на 1 января [Литвина, Успенский, 2021а, 123–125].

Обыкновенно если нарекающие решались дать ребенку два христианских имени, то одно из них — крестильное — маркировало день его появления на свет, тогда как другое — публичное — чаще всего подбиралось, исходя из предпочтений семьи и рода, в довольно широких календарных окрестностях этой даты³. Имя *Василий*, еще укладывающееся в эти календарные рамки подбора, весьма подходило Шуйским, тогда как *Потапий* никак специальным образом не было связано с семейной традицией: дать его ребенку в крещении могли только по общераспространенному принципу, согласно которому день рождения, Божьей волей пришедшийся на празднование св. Потапия, сам по себе задавал неразрывную связь ребенка с этим святым.

Итак, будущий царь, со всей очевидностью, стал *Потапием* потому, что родился 8 декабря. Правда, здесь следует оговориться, что по современным календарным представлениям днем его появления на свет мог бы оказаться и канун этой даты — некоторая подвижность границы суток, не говоря уже о длительности и сложности процесса родов, зачастую мешает точному соположению средневековых представлений о дне рождения человека с нынешними. Однако повторимся, 8 декабря 1552 г., несомненно, являет собой устойчивую опорную точку в этом определении, и мы едва ли существенно погрешим против истины, утверждая, что именно она и была царским днем рождения.

Возвращаясь к истории с пожертвованием на престольного креста в Покровский монастырь, следует сказать, что и самый акт даяния, и эксплицируемая с его помощью христианская двуименность вкладчика представляется чем-то весьма естественным и закономерным для семьи Шуйских. В самом деле, трое родных братьев будущего царя носят по два христианских имени, так почему бы и ему не быть двуименным? С другой стороны, известно по крайней мере о трех драгоценных вкладах, отданных братьями Василия / Потапия в Покровский монастырь, так почему бы и ему — самому старшему из них — не поступить аналогичным образом?

Что касается двуименности в этой семье, то она проявляется весьма устойчиво — дед Шуйских звался *Андреем / Матфеем*, а их отец был не только *Иваном*,

³ Подробнее о календарной соотнесенности крестильного и публичного имени одного и того же носителя светской христианской двуименности см. в работе [Литвина, Успенский, 2020, 54–60].

но и *Максимом*. Двумиенность же царских братьев позволяет увидеть и всю ту притягательность, которой для этой линии рода обладало имя *Василий*. Один из младших братьев нашего Василия / Потапия получил его в крещении, будучи при этом обладателем публичного имени *Александр*, — подобный ономастический ход, по-видимому, репрезентирует некую микротрадицию (младший получает в крещении то, что старший уже носит в качестве публичного)⁴. Два других брата звались *Андрей / Елеазар* и *Дмитрий / Фома*. Однако семья Шуйских демонстрирует, помимо всего прочего, что сколь бы ни была популярна в том или ином роду светская христианская двумиенность, она никогда не имела облигаторного характера — самый младший брат, Иван Иванович Пуговка, носил лишь одно христианское имя в миру. Именно он через много лет после кончины старшего брата жертвует серебряное блюдо для кутьи на гроб его дочери, своей племянницы, царевны Анастасии⁵. Четырьмя десятилетиями ранее Александр / Василий и Дмитрий / Фома отдают сюда же, в Покровский монастырь, паникадило и водосвятную чашу соответственно⁶.

Монастырь этот был своеобразной фамильной усыпальницей женской части их семьи. Кроме царевны Анастасии, здесь была погребена ее бабка, мать братьев Шуйских, княгиня Анна Федоровна, их сестра Елена, а также супруги Дмитрия / Фомы и Ивана Пуговки. Можно сказать, что идентификация вклада, сделанного Василием Ивановичем, как будто вносит еще один необходимый элемент в эту стройную систему следования семейной традиции. Не менее традиционным, как уже говорилось, оказывается и выбор двух его христианских мирских имен.

Вновь обретенные знания о том, как звали царя на протяжении всей его жизни, позволяют по-новому взглянуть на еще один, самый интересный для нас сейчас акт имянаречения, который олицетворяет его пострижение в монахи. Здесь, как выясняется, наперекор традиции происходит буквально все — все идет не по правилам настолько, что впору увидеть в этом некие закономерности или сознательную стратегию.

Как вообще выбирается имя для инока в ту эпоху? Строго говоря, единственный закон здесь — воля игумена, никакие другие правила не являются

⁴ Подробнее об этой традиции своеобразного повтора со смещением в именах ближайших родителей, объединяющего семью не только по вертикали, но и по горизонтали, см. [Литвина, Успенский, 2021б, 87–92]; там же приведена необходимая информация о двумиенности братьев Шуйских.

⁵ Д. В. Цветаев [1910, 106, прим. 2] приписывает Ивану Ивановичу Пуговке еще одно даяние ко гробу царевны Анастасии — это не что иное, как известный по монастырским описям «покровь нагробной на царевне Анастасѣ Васильевне Шуйской бархатъ червчатъ крестъ и круживо кованое золотное около креста трость и копие и подпись слова низаны жемчугомъ около покрова отласъ золотной шесть покрововъ бархатныхъ черныхъ три покрова скуонныхъ червчатыхъ» [Георгиевский, 1903, 107]. Однако никакие атрибутирующие признаки, позволяющие надежно связать его с фигурой Ивана Ивановича, нам неизвестны.

⁶ Обзор вкладов, сделанных братьями Шуйскими во владимирские и суздальские монастыри, см. в работах [Антонов, 2011, 13–16; 2013, 16–19].

облигаторными. Однако на Руси в этой сфере были две весьма мощные конкурирующие тенденции, одна из которых, безусловно, доминирует в XVI–XVII вв. Вплоть до XIV в. имя чаще подбиралось по календарю, т. е. постриженника нарекали в честь того святого, на день которого над ним совершался обряд. Позднее этот принцип явно отходит на периферию, верх берет иная модель выбора, когда монашеское имя подбирают к тому, что человек носил в миру, по созвучию или графическому подобию, которые обыкновенно сводились к совпадению первых звуков или букв двух имен: *Петр* становился *Парфением*, *Пантелеймоном* или *Пименом*, *Иван* — *Ионой*, *Исааком* или *Иаковом*, *Анна* — *Александрой*, *Анисией* или *Антонидой*, *Мария* — *Марфой*, *Матроной* или *Мариамной* и т. д. и т. п.⁷

При всем разнообразии и вариативности такой модели она подчинялась некоему непреложному правилу: если уж нарекающие решили подбирать монашеское имя по созвучию с мирским (а так они, повторимся, в начале XVII в. поступали в подавляющем большинстве случаев), то отправной точкой для подбора нового имени из всего многообразия антропонимов, принадлежавших одному и тому же лицу, всегда выступал лишь один — тот, что дан был ему в крещении. Человек мог быть, как некоторые из братьев Шуйских, носителем светской христианской двуименности (*Дмитрий / Фома*, *Александр / Василий*, *Андрей / Елеазар*), его второе имя могло быть некалендарным (он мог именоваться, скажем, *Томило / Антоний*, *Третьяк / Петр*, *Келарь / Тимофей*, *Постник / Иван*, *Богдан / Матфей* или *Истома / Лазарь*), наконец, его антропонимическое досье могло состоять даже из трех-четырех элементов, сочетая в себе христианское и нехристианское (*Помяс / Василий / Иван*, *Корела / Прямой / Никифор*), — однако во всех этих случаях подбор иноческого имени по букве / звуку отталкивается исключительно от крестильных имен⁸. Как же при постриге выбирали имя Шуйскому?

«Новый летописец», источник, окончательно сложившийся к 1630-м гг., нимало не сомневается в том, что приносить монашеские обеты ни царь, ни царица не хотели, причем нежелание свое проявляли открыто и непосредственно, так что вся процедура напрямую противоречила каноническим запретам приобщать кого-либо к иночеству принудительно:

Приехаша ко царю Василью на старой дворъ, начаша его постригати. Онъ же противу воспросовъ на постриганіи отвѣту не даяше и глаголаше имъ: «нѣсть моево желанія и обѣщанія къ постриганью». Выступи жь изъ нихъ единой заводчикъ, князь

⁷ Возможны были и совпадения, не сводившиеся к тождеству первых букв и/или звуков, когда *Ирина* постригалась как *Марина*, а *Игнатий* — как *Геннадий*. С другой стороны, совпадение начальных элементов могло касаться не канонических, а обиходных форм имени. Так, женщина, чье имя в канонической форме пишется как *Ксения*, в монашестве легко могла сделаться *Александрой*, потому что в повседневной жизни звалась *Аксиньей*, а *Акинфей* становился *Анфимом*, хотя правильной, канонической формой его мирского имени было *Иакинф*. Подробнее о выборе монашеского имени см. [Успенский Б., Успенский Ф., 2017, 100–131].

⁸ Более обстоятельный разбор этого принципа см. в работе [Литвина, Успенский, 2018].

Василей Тюфякинъ. Той же за нево отрицашеся, и тако его постригоша и отвезоша ево въ Чюдовъ монастырь. Царицу жъ его такожь неволю постригоша въ Вознесенскомъ монастырѣ. Патріархъ же Ермогѣнъ вельми о томъ оскорбися. Царя жъ Василія нарицаше мірскимъ имянемъ, царемъ, а тово князь Василія проклинаше и называше его инокомъ. Царица жъ такожь на постриганіи отвѣту не даяше [ПСРЛ, 14/1, 100].

На насильственном характере пострижения настаивает и целый ряд других источников, расхождения здесь могут быть скорее в перечислении ролей участников или в отсутствии / наличии рассказа о позиции патриарха⁹. В таких обстоятельствах заговорщики, разумеется, остро нуждались в легитимизации произошедшего — необходимо было, чтобы иночество новопостриженной царской четы сделалось бы, сколь возможно, бесповоротным и признанным. Как нередко бывает в подобных ситуациях, нарушая канон, они цепляются хотя бы за формальное следование ритуалу и неким традициям. Так, согласие и ответы на вопросы должны были прозвучать, и потому вместо молчащего царя их, если верить источникам, произносит кто-то другой. Поскольку имя для инока принято подбирать в соответствии с мирским, эта традиция полностью соблюдена при наречении царицы. Мария Петровна Буйносова-Ростовская, подобно своему мужу и множеству родственников, свойственников и современников, была двуименной: в крещении она была *Екатериной*, а в монашестве в полном соответствии с традицией стала *Еленой* — ее иноческое имя начиналось на ту же букву, что и крестильное.

Что же с ее супругом? При постриге он получает имя *Варлаам*, и здесь, казалось бы, есть наглядное совпадение первых букв (*Варлаам* — *Василий*), однако традиция на деле перевернута с ног на голову. Как уже отмечалось, крестильным именем царя Василия Ивановича, несомненно, было *Потаний* — тому есть множество косвенных свидетельств, надпись же на кресте из суздальского Покровского собора говорит об этом прямо и однозначно («...мно^ггрѣ^шны^и ра^б б^жи^и Василе^и во с^то^мь кр^ст^ни^и Потап^е»).

Трудно поверить, что заговорщики могли не знать об этом: именины — празднование дня небесного тезки по имени, данному в крещении, — издревле были у Рюриковичей, а потом и у всех правителей, сидевших на московском столе, неукоснительной практикой — их отмечал пиром Святополк Изяславич

⁹ См., например, «Сказание об осаде Троицкого Сергиева монастыря» Авраамия Палицына, где в качестве лица, произносящего вместо царя монашеские обеты, назван князь Василий Туренин [РИБ, 13, 1186], или фрагмент из Хронографа, где в этом качестве отмечен Иван Салтыков вместе с другими лицами [Попов, 1869, 347]. Характерным образом более поздний памятник, Латухинская Степенная книга (1676), стремится привести сразу две версии относительно «заместителя» царя: «...и начаша царя государя Василія Иоанновича постригати. Ему же на се не хотящу, и не общавающуся, и отвѣты не творящу. Единъ бо отъ боярь князь Василей Тюфякинъ и ли Туренинъ — той за царя общаннныя отвѣты говорилъ» (разрядка наша. — А. Л., Ф. У.) [Покровский, Сиренов, 2012, 661, л. 1038об.].

на излете XI в. в Киеве и Борис Годунов на заре XVII в. в Москве. Помимо всего прочего, в числе тех, кто «сводил с государства» Шуйского, были его ближайшие свойственники, прежде всего — свояк Иван Михайлович Воротынский [ПСРЛ, 14/1, 100], так что даже если допустить отсутствие широких придворных именинных торжеств из-за тягот Смуты, то представить, что о тезоименитстве монарха не подозревала ближайшая родня, практически невозможно. Лишний раз в этом убеждает и то обстоятельство, что крестильное имя царицы Марии / Екатерины им прекрасно известно и аккуратно учтено при наречении иноческим именем *Елена*. Дабы имитировать нормальный порядок вещей, Шуйского следовало наречь *Пафнутием, Павлом, Паусием, Прокопием* или, скажем, *Порфирием*, однако заговорщики поступают иначе. Приходится признать, что «опрокидывание» модели выбора монашеского имени в этой ситуации было отнюдь не случайным — новое имя сознательно и демонстративно привязывают к публичному, общеизвестному, но не крестильному имени царя.

Какова же могла быть прагматика подобного поведения? Зачем понадобилось еще одно отступление от привычной практики? Уж не было ли у части заговорщиков намерения разрушить собственный план изнутри? Не наращивает ли кто-то из них целенаправленно своеобразные признаки нелегитимности всей процедуры пострижения царя, чтобы потом, при надобности объявить ее недействительной? Зная всю неустойчивость русской элиты в отношении Шуйских, трудно отвергнуть такое допущение целиком и полностью, однако, на наш взгляд, причины этой манипуляции монашеским и мирскими именами все же были иными.

Дело в том, что на протяжении всего предшествующего столетия в рамках христианской двуименности сформировался некий особый подтип наречения, используемый исключительно в московской великокняжеской, а потом и в царской семье. Сначала избранных, а потом и всех отпрысков великих князей крестят публичным именем, а те имена, что выпадают им по дате рождения, остаются своего рода благочестивым придатком. Так, Василий III, появившийся на свет то ли на Благовещение, то ли на Собор архангела Гавриила, крещен, вопреки общепринятой модели, *Василием*, хотя имя *Гавриил* отнюдь не забыто в его благочестивой практике. Иван Грозный, рожденный на память апостола Тита (25 августа), крещен тем не менее в честь Иоанна Предтечи (29 августа). У царя Федора Ивановича было второе имя *Ермий*, выпавшее ему по дню рождения, но в крещении он был *Федором* [Литвина, Успенский, 2019, 116–126; 2023, 95–103].

Подобная практика, противопоставлявшая московских правителей всем прочим обладателям светской христианской двуименности и предвещавшая хотя и нескорый, но неминуемый закат этой традиции, имела, помимо всех прочих, одно весьма наглядное следствие. К моменту пострижения Шуйского уже многие десятки лет в случае, если великому князю или царю доводится принять постриг (разумеется, добровольно), монашеское имя ему подбирают в соответствии с тем, под которым он правил, поскольку оно-то и было для него

крестильным, — *Василий / Гавриил* становится *Варлаамом*, а *Иван / Тит* — *Ионой*. Пострижение Годунова, будь он двуименным, могло бы нарушить эту цепочку, ведь Борис родился не в царской семье, и, пожелай нарекающие в свое время дать ему два христианских имени, они действовали бы по общераспространенной схеме, крестив его во имя того святого, чья память приходилась на день его рождения (2 августа). Однако царь Борис, как и множество его современников (Иван Иванович, младший брат Василия Шуйского, например), обладал лишь одним христианским именем, совмещавшим функции публичного и крестильного. В миру он был *Борисом* и только *Борисом*, а в монастыре закономерным образом стал *Боголепом* [Литвина, Успенский, 2022, 11–37, 53–59], так что в представлении современников сложилась безупречная последовательность: государь постригается в соответствии с тем именем, под которым он правит и которое известно всем его подданным. Для предшественников Шуйского на московском престоле подобный выбор монашеского имени целиком и полностью вписывался в существующие обычаи, тогда как казус Шуйского очевидно им противоречит, ведь они были крещены теми именами, под которыми правили, а он — нет.

Иными словами, заговорщики нарушают существо общепринятой практики ради того, чтобы слепо скопировать модель царского / великокняжеского пострижения. Условно говоря, им нужно акцентировать тот факт, что монастырь принял не некий христианин, в крещении *Потаный*, а в обиходе *Василий*, но правитель. Василия Шуйского надлежит постричь «как царя», чтобы ему более никогда не бывать царем, — парадоксальным, но вполне понятным образом надежность процедуры низведения с царствования требует максимального уподобления низводимого царя предшествующим государям.

Интересующий нас случай расцвечен в этом отношении целым рядом дополнительных ономастических деталей. Так, Василий Шуйский делается в монастыре тезкой великого князя Василия III (с которым у него совпадали еще и отчества) — из всех возможных имен, начинающихся с той же буквы, что и *Василий*, его нарекают именно *Варлаамом*. Тезоименитство по монашескому имени призвано, вероятно, в еще большей степени уподобить нынешнее нелегитимное действие прежнему легитимному, внезапный и насильственный постриг — постригу добровольному и осознанному. Кроме того, в большинстве источников, где речь идет о своеобразном заместителе Шуйского при произнесении монашеских обетов, в этом качестве предстает обладатель имени *Василий* — это может быть как князь Василий Тюфякин [ПСРЛ, 14/1, 100], так и князь Василий Туренин [РИБ, 13, 1186]. Коль скоро постригается Василий, то монашескую клятву уместно произносить Василию, это как будто бы придает больше правдоподобия ситуации, да вот только Шуйский — в перспективе этой процедуры — *Василием* не был.

Таким образом, выбор иноческого имени формирует — отчасти по воле нарекающих, а отчасти вопреки их замыслу — некое высказывание на языке имен, обладающее двойным дном. Декларативный его смысл, который заговорщики

хотели бы донести до широкой аудитории, сводится к тому, что нет более в миру царя *Василия*, ибо он постригся и переименовал имя, как до него постригались и меняли имя московские государи, и стал иноком *Варлаамом*. Это своего рода демонстрация бесповоротности, необратимости случившегося — той бесповоротности, которой, по всей видимости, далеко еще нет на деле. Однако такая подмена антропонимических моделей имела и свои издержки — для окружения Василия Шуйского, в особенности, конечно, для клира, сразу же очевидной оказывается недобровольность, а стало быть и нелегитимность, акта пострижения. Условно говоря, если у патриарха Гермогена и оставались бы какие-то сомнения, то небрежение крестильным именем *Потаний* немедленно убедило бы его в том, что царь и в последний момент приносить монашеские обеты не соглашался, не помышлял о том, чтобы сделаться иноком взаправду и оставаться им до конца своих дней, — Шуйского не просто склонили к принятию сана, но постригли всецело принудительно.

Именно в перспективе этой двойственности надлежит рассматривать все дальнейшие колебания разных партий русской элиты относительно участи бывшего царя, все его перемещения из монастыря в монастырь, все возможные изменения точки зрения патриарха Гермогена, связанные с последующим пребыванием Василия (Варлаама) в монашеском статусе, все переговорные позиции русского посольства к полякам, в руки которым он был отдан¹⁰, и даже посмертную судьбу Шуйского в русской политической реальности.

С высоты птичьего полета, который, разумеется, неизбежно ведет к существенному упрощению подлинной картины, можно сказать, что заговорщики сумели справиться со своей главной задачей — бескровно устранить Шуйского с престола, но не смогли оставить его монахом в памяти современников и ближайших потомков. Знаменательным образом, когда его останки при Михаиле Федоровиче будут перенесены из Польши и в 1635 г. погребены в Архангельском

¹⁰ Поляки незамедлительно обрядили пленника в мирское платье и считали человеком светским. Требования русской стороны относительно монашеского статуса Шуйского известны только в не вполне надежном пересказе И. И. Голикова, согласно которому представитель патриарха выступал против такого положения дел и попрекал польскую сторону тем, что расстрижение недопустимо ни у католиков, ни у православных [Цветаев, 1910, 34–35]. Если русская сторона и в самом деле использовала такие аргументы, то налицо прямая манипуляция фактами и правилами — насильственный постриг равно запрещен в обеих конфессиях. Речь в лучшем случае может идти о тезисе, в свое время отстаиваемом Иваном Грозным: пострижение, даже и принудительное, есть проявление воли Божьей, а стало быть, для человека, попавшего в такую ситуацию, более благочестивым будет оставаться в иночестве, нежели возвращаться в статус мирянина. Кажется парадоксальным и одновременно естественным то обстоятельство, что в качестве представителя патриарха и церкви в этом диалоге с поляками выступает не кто иной, как митрополит Филарет Романов, некогда претерпевший принуждение к постригу и принявший свой новый статус. Разумеется, впрочем, при нормальном развитии событий такой выбор приличествует делать лишь самому невольному иноку, но не тем, кто причастен к нарушению канона или заинтересован в результатах этого действия.

соборе, на надгробной плите он предстанет царем, но не иноком, и имя *Варлаам* здесь никак не отразится:

Лета 7121 сентября в 12 день на память святого священномученика Автонома преставися благоверный и христоробивый великий государь царь и великий князь Василий Иванович всея России самодержец в Полском королевстве в 60 лет живота его... [Панова, 2002, 36, № 134].

Конечно, едва ли следует видеть в ономастическом сдвиге, случившемся при пострижении Шуйского, единственную причину такого положения дел, но и преуменьшать его символическую значимость не стоит. Характерно, что царица Мария, крещенная *Екатериной* и при постриге переименованная по всем правилам, показана на надгробном камне *инокой схимницей Еленой*.

Источники

- Георгиевский 1903 — Описание Покровского женского монастыря в г. Суздале, 1651 года / публ. В. Г. Георгиевского // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. 1903. Кн. 5. С. 55–126.
- Лихачев, Лурье, 1951 — Послания Ивана Грозного / подгот. текста Д. С. Лихачева, Я. С. Лурье; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1951.
- Панова, 2002 — Некрополи Московского Кремля / подгот. текста, иссл. Т. Д. Пановой. М.: Гос. ист.-культур. музей-заповедник «Московский Кремль», 2003.
- Покровский, Сиринов, 2012 — Латухинская Степенная книга: 1676 год / изд. подгот. Н. Н. Покровский, А. В. Сиринов. М.: Языки славянской культуры, 2012.
- Попов, 1869 — Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / собр. и изд. А. Н. Попов. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К^о, 1869.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей : в 43 т. / под ред. А. А. Шахматова и др. Пг.; Л.: СПб.; М.: Тип. Э. Праца : Тип. МВД : Тип. И. Н. Скороходова : Тип. М. А. Александрова : Тип. Л. Демиса : Наука : Рукописные памятники Древней Руси : Языки славянских культур : Языки русской культуры : Дмитрий Буланин, 1841–2004.
- РИБ — Русская историческая библиотека : в 39 т. / изд. Археографической комиссией. СПб.; Л.; М.: Печатня В. И. Головина : Изд. АН СССР, 1872–1927.

Исследования

- Антонов В. А. Князья Шуйские во Владимирском крае в XV–XVII веках // Владимиро-Суздальский музей-заповедник : материалы исслед. науч.-практ. конф. (13–14 декабря 2010 г.). Вып. 17 / сост. А. А. Тенеткина. Владимир : Гос. Владимиро-Суздальский музей-заповедник, 2011. С. 3–16.
- Антонов В. А. Князья Шуйские в Смутное время: Закат древнего рода // Суздаль в истории России : материалы Всерос. науч.-краевед. чтений (Суздаль, 2 ноября 2021 г.) / гл. ред. А. К. Тихонов. Владимир : Транзит-ИКС, 2013. С. 11–24.
- Быкова М. А. Серебряные напирестольные кресты XVI–XIX веков в собрании Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Владимир : Гос. Владимиро-Суздальский музей-заповедник, 2015.

- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Насильственный постриг княжеской семьи в Киеве: от интерпретации обстоятельств к реконструкции причин // Средневековая Русь. Вып. 10 : К 1150-летию зарождения российской государственности / отв. ред. А. А. Горский. М. : Индрик, 2012. С. 135–169.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Монашеское имя и феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси // Средневековая Русь. Вып. 13 / отв. ред. А. А. Горский. М. : Индрик, 2018. С. 241–280.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Христианская двуименность в правящей династии на Руси: Этапы эволюции // Die Welt der Slaven. 2019. Jhrg. 64, N. 1. S. 108–127.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* «Се яз раб Божий...» Многоименность как фактор и факт древнерусской культуры. СПб. : Евразия, 2020.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Два имени государя (Потапий Максимович Матвеев внук или Василий Иванович Шуйский) // Анатомия власти: государи и подданные в Европе в Средние века и Новое время / сост. и отв. ред. О. Воскобойников, О. Тогоева. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021а. С. 120–134.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Антропонимическое воплощение семейного единства в средневековой Руси // Русская речь. 2021б. № 6. С. 77–97. <https://doi.org/10.31857/S013161170017981-8>
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Годунов в кругу родни (Биографические разыскания). СПб. : Евразия, 2022.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Другой Дмитрий Угличский. Рождение и посмертная судьба удельного князя Дмитрия Ивановича Жилки в ономастической перспективе // Российская генеалогия : науч. альманах. 2023. Вып. 13. С. 95–108.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Напрестольный крест 1603/04 г. из Покровского монастыря в Суздале: Идентификация вкладчика // Древнейшие государства Восточной Европы : памяти А. В. Назаренко / отв. ред. Т. В. Гимон, П. В. Лукин, Е. А. Мельникова. М. : Изд-во ГАУГН. В печати.
- Успенский Б. А., Успенский Ф. Б.* Иноческие имена на Руси. М. ; СПб. : Нестор-История, 2017.
- Цветаев Д. В.* Царь Василий Шуйский и места погребения его в Польше. 1610–1910 гг. Т. 1 : Историческое исследование. М. ; Варшава : Тип. Варшав. учеб. округа : Тип. А. И. Снегиревой, 1910.

Рукопись поступила в редакцию 01.08.2023

Рукопись принята к печати 01.09.2023

* * *

Литвина Анна Феликсовна

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории лингвосемиотических исследований; доцент Школы филологии Национального исследовательского университет «Высшая школа экономики» 105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4
E-mail: annalitvina@gmail.com

Litvina, Anna Feliksovna

PhD, Leading Researcher, Laboratory of Linguistic and Semiotic Research; Associate Professor, School of Philology National Research University Higher School of Economics 21/4, Staraya Basmannaya Str., 105066 Moscow, Russia
E-mail: annalitvina@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-2740-0904>

Успенский Федор Борисович

доктор филологических наук, член-корреспондент РАН
¹ директор
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2;
² главный научный сотрудник Лаборатории медиевистических исследований Национального исследовательского университет «Высшая школа экономики» 105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4
E-mail: fjodor.uspenskiy@gmail.com

Uspenskij, Fjodor Borisovich

DrHab, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences
¹ Director
V. V. Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS 18/2, Volkhonka Str., 119019 Moscow, Russia;
² Chief Research Fellow
Laboratory of Medieval Studies National Research University Higher School of Economics 21/4, Staraya Basmannaya Str., 105066 Moscow, Russia
E-mail: fjodor.uspenskiy@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-5364-0173>

Anna F. Litvina

National Research University Higher School of Economics
Moscow, Russia

Fjodor B. Uspenskij

¹ V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS
² National Research University Higher School of Economics
Moscow, Russia

**THE DEPOSITION OF CZAR VASILI SHUISKY
IN THE LIGHT OF NEW DATA**

The article demonstrates how onomastic studies can help with interpretation of the key events of Russian history. The central figure of the paper is Czar Vasili IV of Russia (Vasili Ivanovich Shuisky): the first part of the paper focuses on the attribution of a valuable altar cross from the early 17th c., which has to do with the Christian binominality of this monarch,

while the second part deals with the semiotics of the Czar's deposition from the anthroponymic perspective. The votive inscription on the eight-pointed reliquary cross made of gilded silver gilded and decorated with stamped and carved sacred images on its front side says that the cross was donated to the Suzdal Monastery of the Intercession of Our Lady in 1603/04, with the style of figurative images, foliage pattern and the high quality of work clearly indicate the Moscow origin of this liturgical object. Until now, the identity of the donator was believed to be unclear, although the inscription is readable and contains both the names and all information necessary for identification. Many people of Medieval Rus' had two lay Christian names — today this idea comes as less of surprise to researchers as it used to a decade earlier, yet the tradition of lay Christian binominality is still to be described and analyzed. Studying specific cases sometimes requires almost detective investigation, and challenges faced by a researcher are not incidental: they are rooted in the very ways how this system of lay Christian binominality functioned in the pre-Petrine Rus': the same person could appear under one name in one case and under the other name in another, and sometimes it is really challenging to find the crossover points allowing to identify, say, *Cosmas, servant of God* with Prince Dmitry Mikhailovich Pozharsky. The historical and onomastic analysis of the inscription on the cross not only allows to reliably identify the owner of this precious specimen of early 17th-century jewellery but also to make some guesses about the circumstances of donation and to clarify our evidence of naming practices characteristic of the 16th-century Russia.

К е y o r d s: anthroponymy; name-giving in pre-Petrine Russia; monastic vows; dual naming of lay Christians; baptismal name; the Shuisky family; the deposition of Vasili Shuisky; reliquary cross of 1603/1604

Acknowledgements

The results of the project *Lingvosemiotic Aspects of the History of Russian Culture: Middle Ages and Early Modern Times*, carried out within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2023, are presented in this work.

References

- Antonov, V. A. (2011). Kniaz'ia Shuiskie vo Vladimirskom krae v XV–XVII vekakh [Princes Shuisky in the Vladimir Region in the 15th–17th Centuries]. In A. A. Tenetkina (Ed.), *Vladimiro-Suzdal'skii muzei-zapovednik: materialy issled. nauch.-prakt. konf.* [Vladimir-Suzdal Museum-Reserve: Proceedings of the Research Practical Conference] (Iss. 17, pp. 3–16). Vladimir: Gos. Vladimiro-Suzdal'skii muzei-zapovednik.
- Antonov, V. A. (2013). Kniaz'ia Shuiskie v Smutnoe vremia: Zakat drevnego roda [Princes Shuisky in the Time of Troubles: Decline of an Ancient Family]. In A. K. Tikhonov (Ed.), *Suzdal' v istorii Rossii: materialy Vseros. nauch.-kraeved. chtenii* [Suzdal in the History of Russia: Proceedings of the All-Russian Conference in Local History] (pp. 11–24). Vladimir: Tranzit-IKS.
- Bykova, M. A. (2015). *Serebrianye naprestol'nye kresty XVI–XIX vekov v sobranii Gosudarstvennogo Vladimiro-Suzdal'skogo muzeia-zapovednika* [Silver Altar Crosses of the 16th–20th Centuries in the Collection of the State Vladimir-Suzdal Museum-Reserve]. Vladimir: Gos. Vladimiro-Suzdal'skii muzei-zapovednik.

- Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2012). Nasil'stvennyi postrig kniazheskoi sem'i v Kieve: ot interpretatsii obstoiatel'stv k rekonstruktsii prichin [Forced Tonsure of the Princely Family in Kyiv: From Interpretation of Circumstances to Reconstruction of Causes]. In A. A. Gorsky (Ed.), *Srednevekovaia Rus'* [Medieval Rus'] (Vol. 10, pp. 135–169). Moscow: Indrik.
- Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2018). Monasheskoe imia i fenomen svetskoi khristianskoi dviimennosti v dopetrovskoi Rusi [Monastic Name and the Phenomenon of Secular Christian Binominality in Pre-Petrine Rus']. In A. A. Gorsky (Ed.), *Srednevekovaia Rus'* [Medieval Rus'] (Vol. 13, pp. 241–280). Moscow: Indrik.
- Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2019). Khristianskaia dviimennost' v praviashchei dinastii na Rusi: Etapy evoliutsii [Christian Binominality in the Ruling Dynasty in Rus': Stages of Evolution]. *Die Welt der Slaven*, 64(1), 108–127.
- Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2020). "Se iaz rab Bozhii..." *Mnogoimennost' kak faktor i fakt drevnerusskoi kul'tury* ["Behold the Servant of God..." Polynomy as a Factor and Fact of Ancient Russian Culture]. St Petersburg: Evraziia.
- Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2021a). Dva imeni gosudaria (Potapii Maksimovich Matveev vnuk ili Vasili Ivanovich Shuiskii) [Two Names of the Sovereign (Potapiy Maksimovich Matveyev Grandson or Vasili Ivanovich Local Historian)]. In O. Voskoboinikov, & O. Togoeva (Eds.), *Anatomiia vlasti: gosudari i poddannye v Evrope v Srednie veka i Novoe vremia* [Anatomy of Power: Princes and Subjects in Europe in the Middle Ages and Modern Times] (pp. 120–134). Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki.
- Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2021b). Antroponimicheskoe voploshchenie semeinogo edinstva v srednevekovoii Rusi [Anthroponymic Embodiment of Family Unity in Medieval Rus']. *Russkaia rech'*, 6, 77–97. <https://doi.org/10.31857/S013161170017981-8>
- Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2022). *Godunov v krugu rodni (Biograficheskie razyskaniia)* [Godunov in the Circle of Relatives (Biographical Research)]. St Petersburg: Evraziia.
- Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2023). Drugoi Dmitrii Uglichskii. Rozhdenie i posmertnaia sud'ba udel'nogo kniazia Dmitriia Ivanovicha Zhilki v onomasticheskoi perspektive [Another Dmitry Uglichsky. The Birth and Posthumous Fate of the Appanage Prince Dmitry Ivanovich Zhilka in an Onomastic Perspective]. *Rossiiskaia genealogiia*, 13, 95–108.
- Tsvetaev, D. V. (1910). *Tsar' Vasili Shuiskii i mesta pogrebeniia ego v Pol'she. 1610–1910 gg.* [Tsar Vasili Shuisky and his Burial Place in Poland. 1610–1910] (Vol. 1). Moscow; Warsaw: Tip. Varshav. ucheb. okruga; Tip. A. I. Snegirevoi.
- Uspenskij, B. A., & Uspenskij, F. B. (2017). *Inocheskie imena na Rusi* [Monastic Names in Rus']. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Received on 1 August 2023
Accepted on 1 September 2023